

ТЕМА НОМЕРА

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И ПЛАНИРОВАНИЕ БУДУЩЕГО

DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.5

EDN: NUOPOM

Повседневный досуг в поселках городского типа Якутии: локальная инфраструктура и пространственная мобильность¹

Ссылка для цитирования: Винокурова А. В., Канзычакова Н. Г., Яковлев А. И. Повседневный досуг в поселках городского типа Якутии: локальная инфраструктура и пространственная мобильность // Вестник Института социологии. 2026. Том 17. № 3. С. 82–97. DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.5; EDN: NUOPOM.

For citation: Vinokurova A. V., Kanzychakova N. G., Yakovlev A. I. Everyday leisure in Yakutia's urban-type settlements: Local infrastructure and spatial mobility. *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17. No. 3. P. 82–97. DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.5; EDN: NUOPOM.

SPIN-код: 1193-8174

Винокурова Анна Викторовна^{1,2}

¹Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

²Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Абакан, Россия

vinokurova77@mail.ru

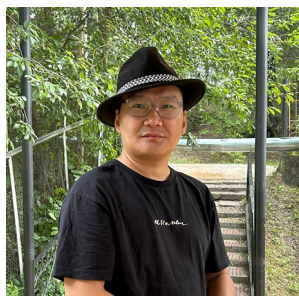

SPIN-код: 4050-9678

Канзычакова Надежда Германовна¹

¹Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Абакан, Россия

kanzychakova.nadia@yandex.ru

SPIN-код: 4877-3181

Яковлев Айтал Игоревич¹

¹Северо-Восточный университет им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия

yakovlevital@yandex.ru

¹ Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 25-28-00500.

Аннотация. В статье обсуждается проблема организации досуговых практик жителей поселков городского типа Республики Саха (Якутия). Поселки городского типа занимают промежуточное положение между городскими и сельскими поселениями и сохраняют важное значение в системе расселения регионов, при этом повседневные практики их жителей, в том числе досуговые, остаются недостаточно изученными. Преимущественным объектом большинства исследований досуга, что отечественных, что зарубежных, являются жители городов либо сельских территорий, тогда как население поселков городского типа редко попадает в поле зрения ученых, изучающих досуг. Исследование 2025–2026 гг., легшее в основу настоящей статьи, опирается на комплексную стратегию с использованием количественных и качественных методов. Его эмпирическую базу составили материалы фокусированных интервью с жителями двух пгт Якутии ($n = 24$), представляющими разные социально-демографические группы, а также данные формализованного анкетного опроса населения тех же поселков ($n = 112$). Полученные данные позволили установить, что досуговые практики жителей поселков городского типа формируются на пересечении локальных инфраструктурных возможностей и включенности поселков в более широкое территориальное пространство. Были выявлены две модели организации досуга: 1) с активным использованием ресурсов регионального центра (Якутск), поездки в который являются устойчивой частью повседневности; 2) с преимущественной ориентацией на использование локальной инфраструктуры и неформальных досуговых пространств при относительно нечастых выездах в более крупные центры. Показано, что поездки за пределы поселка нередко сочетают в себе несколько целей, а досуговые практики жителей поселков городского типа выходят за рамки ограниченных инфраструктурных возможностей и отражают специфический поселковый образ жизни, основанный на сочетании локальной укорененности и пространственной мобильности. Именно эта комбинация обеспечивает успешную адаптацию к условиям поселковой среды и выступает важным ресурсом устойчивости поселков городского типа.

Ключевые слова: досуговые практики, повседневность, досуговая инфраструктура, пространственная мобильность, образ жизни, поселки городского типа, Республика Саха (Якутия)

Введение

Современная система расселения России представлена различными типами поселенческих общностей. Если говорить о городских населенных пунктах, то согласно принятой в нашей стране административно-статистической классификации к ним относятся города и поселки городского типа. Последние образуют сравнительно небольшой, но заметный сегмент. По данным Росстата на 1 января 2024 г. в РФ насчитывается 1173 поселков городского типа (пгт), в которых проживает 7,03 млн чел., что составляет 4,8% от общей численности населения страны и 6,4% от ее городского населения¹.

¹ Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2024 года // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (дата обращения: 14.07.2026).

В Республике Саха (Якутия) насчитывается 41 пгт, из них 39 имеют постоянное население, совокупная численность которого составляет 114 974 чел., что соответствует 11,5% от общей численности населения Республики и 17% от численности ее городского населения¹. Это позволяет заключить, что пгт сохраняют важное значение в системе расселения региона.

В отечественной научной традиции, связанной с изучением пгт, отчетливо прослеживаются несколько доминирующих направлений. Первое – «институционально-экономическое» – фокусируется на месте и роли пгт в общей системе расселения, их обеспеченности ресурсами, уязвимостях, возможных перспективах развития (см., напр.: [12; 10; 3]). Второе – «миграционное» – ориентировано на выявление причин и последствий сокращения численности населения пгт за счет миграции, а также факторов, сдерживающих и стимулирующих миграционную убыль (см., напр.: [7; 1; 9; 12]). Особенно часто подобные темы обсуждаются на материалах сибирских и дальневосточных поселков, где остро стоит проблема депопуляции и «сжатия» освоенного пространства. Третье – «социокультурное» – обращено к повседневности, локальной идентичности, символическому наполнению поселковой жизни (см., напр.: [20; 14]).

В рамках последнего, «социокультурного», направления особое место занимают исследования, посвященные проблематике досуга жителей пгт, поскольку именно досуговые практики помогают более четко описать и концептуализировать сложившиеся формы повседневного поселкового уклада. Через них можно увидеть, как проявляется характер локальных социальных связей и какова степень вовлеченности местного населения в семейные и соседские взаимодействия, оценить уровень включенности жителей в различные формы досуговой мобильности, связанные с выездами за пределы пгт, а также выявить субъективные представления о поселке как о комфортном или, напротив, ограничивающем пространстве.

Вместе с тем необходимо признать, что в исследованиях, посвященных социокультурным аспектам поселковой повседневности, тема досуговых практик если и бывает представлена, то, как правило, фрагментарно [8]. В большинстве работ, что российских, что зарубежных, где рассматривается досуг и свободное время жителей малых поселений, речь в основном идет либо о малых городах, либо о сельских территориях [22; 16; 5; 6; 17; 21; 2].

Как видим, пгт, занимающие промежуточное положение между городом и селом, редко оказываются самостоятельным объектом исследования при изучении повседневного досуга. Настоящая статья восполняет указанный пробел. Социологический интерес к досугу жителей пгт ориентирован не столько на описание доступных способов проведения свободного времени, сколько на выявление с их помощью механизмов адаптации повседневной жизни к условиям конкретной поселенческой среды.

¹ Рассчитано авторами по: Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2024 года // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (дата обращения: 14.07.2026).

Ограниченность локальной инфраструктуры сама по себе не предопределяет дефицит досуга. Жители могут компенсировать ее использованием неформальных пространств, домашними практиками или регулярными выездами в другие населенные пункты. Соответственно, возникает вопрос: в какой мере ограниченность локальной среды определяет досуг жителей пгт, а в какой – компенсируется социальными и пространственными ресурсами? Цель настоящей статьи – выявить типичные модели организации досуга жителей пгт Республики Саха (Якутия).

Теоретико-методологическая и эмпирическая база исследования

Теоретическо-методологическую базу исследования составили концепции и подходы, рассматривающие досуг в качестве социального феномена. Во-первых, это концепция досуга как элемента образа жизни и повседневности [18; 19], в рамках которой он определяется не только как время, свободное от трудовой деятельности, но и как самостоятельная сфера повседневных практик, отражающая особенности жизненного уклада различных социальных групп.

Во-вторых, подход, содержащийся в работах П. Бурдье и ряда других авторов [23; 4], где досуг трактуется как социальная и пространственная практика. Данный подход примечателен тем, что в нем учитывается связь форм проведения свободного времени с доступными ресурсами и самими характеристиками среды проживания. Не меньший интерес представляет и концепция «третьих мест» Р. Ольденбурга – особых пространств вне дома и работы, создающих условия для неформального общения и социального взаимодействия [11]. Задаваемая идеями П. Бурдье и Р. Ольденбурга перспектива позволяет рассматривать пгт не только как место жительства, но и как пространство повседневного освоения, где инфраструктурные возможности и локальные связи определяют доступные формы досуга.

В-третьих, мобильностная теория Дж. Урри [15], признающая перемещения в пространстве значимой составляющей современной повседневности, в том числе досуговой, и потому являющаяся подходящей рамкой для анализа выездных форм досуговой активности. Данная теория позволяет интерпретировать поездки жителей пгт за его пределы не только как следствие ограниченности локальной среды, но и как способ расширения пространства повседневной жизни. В свою очередь возможность компенсировать локальные инфраструктурные ограничения за счет мобильности зависит от положения поселка относительно центров более высокого порядка, что обуславливает необходимость учитывать при анализе центр-периферийные различия в доступе к досуговым ресурсам.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, досуг жителей пгт можно трактовать как важный элемент их образа жизни, отражающий возможности и ограничения поселковой среды, а также особенности восприятия и освоения локального пространства.

Местом проведения исследования были выбраны пгт Жатай одноименного городского округа и Мохсоголлох Хангаласского улуса, демонстрирующие разные траектории социально-экономического и пространственного развития. Мохсоголлох как поселение возник вокруг крупного промышленного предприятия – Якутского цементного завода (Якутцемент), в свою очередь Жатай формировался как поселок речников, развитие которого определялось деятельностью предприятий судоремонтного и судостроительного комплексов, а также функционированием речного транспорта на р. Лене. Различаются поселки и по своему географическому расположению. Жатай находится в пригородной зоне Якутска, что создает условия для маятниковой миграции и большей вовлеченности его населения в экономику и инфраструктуру региональной столицы. Мохсоголлох, напротив, более чем на 100 км удален от административного центра республики, что, с одной стороны, способствует большей его автономности, а с другой – создает ряд ограничений в плане доступа к городским ресурсам. Сравнительный анализ этих двух кейсов позволил выявить влияние местоположения пгт на досуговые практики их жителей.

Сбор эмпирической информации осуществлялся в два этапа.

На первом этапе (март 2025 г.) была проведена серия фокусированных интервью с жителями пгт Жатай и Мохсоголлох ($n = 24$), анализ материалов которых проводился с применением логики тематического кодирования.

На втором этапе (март 2026 г.) проводился формализованный анкетный опрос жителей тех же пгт. Всего было опрошено 112 человек. Указанные поселки мы отобрали с учетом их территориального расположения относительно региональной столицы. Жатай располагается в пригородной зоне Якутска, а Мохсоголлох находится на достаточно удаленном расстоянии от административного центра РС (Я) (примерно в 100 км от Якутска). Затем посредством маршрутного метода осуществлялся отбор домохозяйств, далее опрашивали всех взрослых (18 лет и старше) членов отобранных домохозяйств. Среди опрошенных женщины составили 63,4%, мужчины – 36,6%. По возрасту респонденты распределились следующим образом: 18–24 лет – 8,9%; 25–34 лет – 19,6%; 35–59 лет – 54,5%; 60 лет и старше – 17%. Анкета включала 37 вопросов, условно разделенных на несколько тематических блоков: локальная идентичность и жизненные стратегии, занятость и трудовые практики, повседневность и досуг, инфраструктура и качество жизни, миграционные настроения, социально-демографические характеристики участников опроса.

Основные результаты исследования

Локальная инфраструктура и досуговые пространства пгт. Важным условием формирования и реализации досуговых практик жителей пгт выступает локальная инфраструктура, поскольку именно она определяет доступное пространство для проведения свободного времени. В крупных

городах, прежде всего в региональных столицах, досуговая среда обычно включает широкий спектр учреждений культуры, спорта, общественного питания, торгово-развлекательных центров, парков, кинотеатров, клубов, образовательных пространств, коммерческих сервисов и много другого. В поселках набор таких заведений и пространств значительно уже, поэтому организация досуга в большей степени связана не с выбором из множества альтернатив, а с использованием ограниченного числа доступных возможностей.

Вместе с тем, как показывает анализ отобранных нами для изучения поселковых кейсов, роль локальной инфраструктуры определяется не только ее наполнением, но и положением пгт в системе расселения. В расположенном в непосредственной близости от Якутска Жатае досуговая среда фактически выходит за административные границы поселка. Несмотря на наличие в ней собственных досуговых учреждений и пространств, его жители постоянно пользуются возможностями регионального центра. Повседневные формы досуга реализуются ими преимущественно в самом поселке, однако более разнообразные культурные, развлекательные и потребительские практики нередко переносятся в Якутск: *«Ой, ну конечно, в Якутск постоянно ездим погулять, посмотреть, что-то купить. Вроде и у нас все есть, но иногда хочется чего-то такого, не знаю, другого чего-то»* (ж., 47 л., Жатай); *«На концерт какой-то, в театр на премьеру – это, конечно, в Якутск, к нам большие заезжие артисты обычно не доезжают»* (ж., 73 г., Жатай).

Иная ситуация складывается в Мохсоголлохе. Здесь локальная инфраструктура в куда большей степени определяет повседневную организацию досуга, а ее ограниченность компенсируется активным использованием прилегающих территорий и других неформальных пространств поселка. В этих условиях досуговая среда включает не только официальные досуговые учреждения: культурно-развлекательный центр, различные спортивные объекты (спортзалы, бассейн, детские и спортивные площадки), библиотеку, но и, например, гаражи, дачные участки и прочие освоенные жителями пространства повседневности: *«Дача – это наше все, это прямо правило такое: с самой весны до осени, до самых холодов, жить на даче. Все там, там движняк: кто-то шашлыки жарит, кто-то на рыбалку идет, кто-то с детьми играет, в гости друг к другу ходят – вся жизнь там»* (м., 44 г., Мохсоголлох).

Как видим, в Жатае близость региональной столицы значительно расширяет спектр доступных возможностей и при этом формирует более высокий уровень ожиданий относительно качества и разнообразия досуговой инфраструктуры. В свою очередь в Мохсоголлохе досуговая инфраструктура поселка выходит далеко за рамки формально существующей сети учреждений и включает разнообразные неинституционализированные пространства.

Самым распространенным из таких неинституционализированных мест проведения свободного времени оказался дом, этот вариант отметили 92,9% анкетированных. Следующими по значимости являются дача, огород

или приусадебный участок (45,5%), а также природные пространства, связанные с выездами на пашлыки, охотой, рыбалкой и иными схожими форматами отдыха (37,5%). Еще треть респондентов (33,0%) в качестве частого места проведения досуга указали интернет и социальные сети.

Из организованных форм досуга самой популярной стоит признать выезды за пределы поселка, о ней упомянули 50,9% участников анкетирования. Общественные пространства пгт – парки, скверы и другие подобные места – используют 42,9% их жителей; учреждения культуры и кафе, магазины и торговые точки – 33,9%, спортивные объекты – 26,8%. При этом 11,6% указали, что практически не проводят свободное время в подобных местах.

Таким образом, досуг в поселке не сводится исключительно к посещению специализированных учреждений. Его основу составляют сочетание домашних, семейных, природно-ориентированных и выездных практик, а организованные формы включаются в более широкий комплекс повседневной активности. Это позволяет иначе взглянуть и на проблему ограниченности досуговой инфраструктуры пгт. Относительно невысокая востребованность отдельных учреждений сама по себе не свидетельствует ни об их недоступности, ни о неудовлетворенности ими жителей. Для части населения потребность в институционализированных формах досуга менее выражена, поскольку свободное время организуется преимущественно вокруг дома, семьи, дачи, природы или общения в цифровой среде.

Важен не только объем формально доступной инфраструктуры, но и то, насколько она соответствует сложившемуся образу жизни. Поселковая среда предполагает иной набор способов проведения свободного времени, нежели крупный город. Отсутствие широкого спектра специализированных заведений частично компенсируется использованием пространств, которые вообще не имеют исключительно досуговой функции. Так, поездка в другой населенный пункт может одновременно сопряжена с несколькими целями: отдыхом, общением, семейным взаимодействием, решением повседневных задач. Поэтому вопрос о качестве досуговой среды целесообразно рассматривать не только с позиции наличия или отсутствия соответствующих учреждений, но и через призму способности жителей конструировать из доступных ресурсов приемлемые для себя формы досуга.

Не последнее влияние на организацию досуговых практик жителей пгт оказывает также их семейная ситуация. Большинство опрошенных имеют детей: 30,4% – одного ребенка, 33% – двоих, 17% – троих и более. Как следствие, для значительной части жителей обоих поселков досуг встраивается в семейную повседневность и обусловлен не только и не столько индивидуальными предпочтениями, сколько необходимостью согласовывать свободное время с интересами и потребностями других членов семьи. По этой причине особое значение приобретают такие формы досуга, которые допускают совместное участие: например, пребывание на даче, отдых на природе, посещение общественных пространств, поездки за пределы поселка.

В контексте досуга семейный статус выступает не только фактором потенциального ограничения свободного времени, но и задает саму структуру досуговых практик. Для семей с детьми досуг может в большей степени приобретать совместный и повседневно-практический характер, а индивидуальные и институционализированные формы, напротив, отходить на второй план.

Данные анкетирования позволяют получить представление об общем состоянии досуговой инфраструктуры исследуемых пгт на основании оценок их жителей. При ответе на вопрос о наиболее характерных для поселка хозяйственных и инфраструктурных проблемах 32,1% указали на недостаток мест и возможностей для проведения досуга. Справедливости ради отметим, что это не самая популярная альтернатива из предложенных, гораздо больше опрошенных волнуют плохие дороги (48,2%), недостаточная доступность медицинских услуг (43,8%), проблемы ЖКХ (34,2%), экологические проблемы (33,6%). И тем не менее дефицит досуговой инфраструктуры относится к числу заметных ограничений поселковой среды.

В то же время жители пгт воспринимают существующую досуговую инфраструктуру неоднозначно. Наряду с фиксацией ее дефицита большинство не выражают явной неудовлетворенности ее состоянием: 17,6% им полностью удовлетворены, 39,5% – скорее удовлетворены. Те, кто неудовлетворен, находятся в меньшинстве: 9,6% скорее не удовлетворены, 5,1% не удовлетворены полностью. Еще 28,2% затруднились с оценкой, выбрав альтернативу «сложно сказать».

Ограниченность локальной досуговой инфраструктуры также не сопровождается массовой неудовлетворенностью организацией досуга. Почти две трети опрошенных (65,2%) полностью или скорее удовлетворены тем, как проводят свободное время; 61,6% положительно оценивают существующие в поселке досуговые возможности. Представленные данные позволяют сделать вывод: дефицит отдельных видов инфраструктуры и субъективная неудовлетворенность досугом – не одно и то же. Ответы жителей пгт указывают на их адаптацию к доступному набору возможностей и формирование у них устойчивых способов дополнения имеющейся досуговой инфраструктуры домашними, природными и выездными практиками.

Высказываясь о досуговой инфраструктуре, информанты, как правило, не оценивали ее в терминах «хорошая» или «плохая». Скорее они сопоставляли имеющиеся возможности с собственными потребностями и с тем, что есть в поселке, нередко подчеркивая при этом доступность существующих учреждений культуры и спорта, разнообразие кружков и секций, невысокую стоимость занятий: *«Мы с девочками два раза в неделю ходим в бассейн. Абонемент совсем недорогой, четыре раза сходить – всего 360 рублей. В городе за такие деньги точно не поплаваешь. И народу, кстати, всегда хватает»* (ж., 73 г., Мохсоголлох); *«У нас в Центре культуры жизнь кипит. Для всех что-нибудь найдется: и детям, и молодежи, и пенсионерам. Кто поет, кто танцует, кто творчеством занимается. И ведь многое бесплатно, а сделано все достойно, совсем не хуже, чем*

в городе» (ж., 60 л., Жатай). Реже информанты отмечали отсутствие некоторых современных форм досуга, востребованных прежде всего молодежью: *«Если про молодежь говорить, то им, конечно, хочется чего-нибудь посовременнее. Ну там, кофейни всякие, какие-то места, где можно просто посидеть, пообщаться, такие, атмосферные, ламповые¹. В этом плане поселок пока до города не дотягивает»* (ж., 59 л., Мохсоголлох).

Озвученные запросы на современные форматы досуга важно рассматривать в контексте жизненных стратегий молодежи, проживающей в пгт. Результаты анкетирования показывают, что 67,0% его участников относят отсутствие перспектив для молодых людей к числу наиболее характерных социальных проблем исследуемых поселков. Полученные данные наглядно демонстрируют, что развитие досуговой среды не является изолированной проблемой и включено в более широкий комплекс представлений о привлекательности пгт для молодых жителей. Причем речь идет не только о количестве учреждений или наличии конкретных развлечений, но и о соответствии локальной среды современным ожиданиям, касающимся общения, самореализации, потребления и способов проведения свободного времени.

С этой точки зрения нехватка кафе, общественных пространств и/или иных современных форматов досуга может выступать для молодежи одним из маркеров ограниченности поселковой среды и тем самым негативно влиять на ее представления относительно возможности обеспечить себе в будущем желаемый образ жизни в родном пгт. Поэтому развитие досуговой инфраструктуры необходимо рассматривать не как самостоятельную задачу по расширению перечня развлечений, а как элемент повышения привлекательности поселка в целом, превращения его в место, где молодежь захочет остаться жить.

Как видим, досуговая инфраструктура пгт не воспринимается жителями исключительно через призму дефицита или достаточности. Более существенным следует признать ее соответствие сложившемуся образу жизни и повседневным потребностям различных групп населения. При этом значение отдельных элементов досуговой среды может существенно варьироваться в зависимости от возраста и жизненной ситуации.

Мобильный досуг: поездки за пределы поселка. Имеющиеся ограничения локальной инфраструктуры не означают, что досуговая повседневность жителей пгт замыкается в его административных границах. Часть потребностей в отдыхе, развлечениях, общении и культурном участии реализуется за пределами поселка. Результаты анкетирования позволяют говорить о высокой интенсивности пространственной мобильности населения обследованных пгт. Большинство опрошенных выезжает достаточно часто: практически ежедневно – 18,3%, несколько раз в неделю – 20,2%, несколько раз в месяц – 27,5%. Таким образом, почти 2/3 жителей пгт оказываются включены в устойчивые практики пространственной мобильности, предполагающие регулярные выезды за пределы поселка. Эти перемещения не относятся к числу исключительных или эпизодических.

¹ Ламповый – разговорное обозначение уютного, неформального, эмоционально комфортного пространства.

Напротив, они имеют довольно регулярный характер и составляют часть повседневного образа жизни. География и направленность таких повседневных перемещений различается в зависимости от территориального положения поселка и его близости к республиканским центрам различного уровня. Для жителей Жатай, находящегося в непосредственной близости от Якутска, главным центром притяжения закономерно является региональная столица, а для жителей Мохсоголлоха более предпочтительным направлением выступает Покровск – административный центр Хангаласского улуса.

Самой распространенной причиной выезда за пределы поселка оказалось совершение покупок, на это указали 57,8% опрошенных. Второе место по частоте упоминания заняли поездки, связанные с реализацией культурно-досуговых потребностей, – 49,1%. Существенная доля выездов приходится также на трудовую мобильность (33,1%), визиты к родственникам и друзьям (32,1%) и поездки за медицинской помощью (31,7%). Заметно реже люди выезжали из своих поселков ради получения административных услуг (14,2%) и учебы (6,8%).

По признанию анкетированных, их поездки за пределы пгт в большинстве случаев совмещают в себе несколько целей. Мобильный досуг редко реализуется как полностью самостоятельная практика, чаще он оказывается встроенным в целый комплекс повседневных перемещений, через которые жители поселков компенсируют ограниченность локальной инфраструктуры и включаются в более широкое социальное и территориальное пространство.

Для населения Жатай выезды в Якутск давно стали привычной частью повседневной мобильности. В их случае городская инфраструктура естественным образом дополняет возможности поселка, что, во-первых, позволяет сочетать практические и рекреационные цели поездки «в город», а во-вторых, делает границу между локальным и городским досугом подвижной: *«Ну тут как? За чем-то одним же ездить невыгодно. Вот, например, надо к врачу, днем или утром сходила, потом навестила подругу, сходила к детям, вечером можно куда-то покушать сходить или в кино, например»* (ж., 56 л., Жатай); *«Вроде все у нас есть, но в городе то одно нужно, то другое, со стройматериалами там получше, больше выбор, опять же к детям. Мама у меня заядлая театралка, следим с ней за афишами. Если увидим что-то стоящее, что действительно хочется посмотреть, здесь без вариантов – едем на спектакль в Якутск»* (ж., 47 л., Жатай).

В Мохсоголлохе выездной досуг носит иной характер. Удаленность от регионального центра делает поездки туда менее регулярными, более затратными и требующими предварительного планирования. Чаще они бывают вызваны какой-нибудь «важной» причиной – покупками, потребностями в медицинских услугах, визитами к родственникам, отпуском, решением бытовых вопросов, а досуговый компонент включается в них попутно. В силу указанных обстоятельств внешние ресурсы не становятся для жителей Мохсоголлоха повседневным продолжением поселковой

среды, как в Жатае. Скорее, они используются в качестве дополнительной возможности: *«Вот мне надо ехать [в Якутск] по каким-то своим делам, и я им [родственникам] говорю: „Так, куда сегодня?“ И мы идем, ну куда-нибудь, где вкусно кормят, [в] кафе, ресторан. Мы идем на выставку, в музей, еще куда-то. Так бы специально я не поехала, а так полезное совмещаешь с приятным»* (ж., 45 л., Мохсоголлох).

В то же время сама возможность выезда вовсе не обязательно предполагает наличие устойчивой нужды в городском досуге. Для части информантов, например старших возрастов, подобные поездки бывают связаны прежде всего с поддержанием родственных связей, тогда как досуговые практики включаются в них ситуативно. В этом случае город не замещает поселковую среду. Он используется в качестве дополнительного ресурса, а возвращение обратно домой остается предпочтительным завершением поездки: *«Если бы не дети, то, может, и не ездила бы никуда, а так приезжаю к ним навестить, повидаться с внуками. Ну и они хотят маму как-то развлечь, чтобы не скучно ей было, что-то интересное показать. А я что? Я не против, только за. Но иной раз устаю, хочется назад в свой родной поселок»* (ж., 68 л., Мохсоголлох).

Как становится ясно из ответов информантов и анкетированных, выезды за пределы пгт часто оказываются рациональным способом восполнить то, чего не хватает в самом поселке: кафе, развлекательные заведения, общественные пространства, т. е. те «третьи места», которые делают жизненную среду более насыщенной и разнообразной. Когда в родном поселке подобных пространств недостаточно, поездка в более крупный населенный пункт становится привычным элементом организации досуга и повседневного потребления.

Заключение

Полученные данные позволяют рассматривать досуг как одну из сфер, в которой особенно отчетливо проявляется специфика поселкового образа жизни. Для проживающих в пгт характерен иной, нежели для горожан, способ организации повседневности – такой, при котором границы между собственно досугом, с одной стороны, и неформальным общением, бытовыми занятиями, перемещениями за пределы места жительства, с другой, оказываются достаточно подвижными. Это делает применение к поселкам типично городской логики оценивания – через разнообразие специализированной инфраструктуры – не вполне корректным, так как эта логика отражает реальную структуру свободного времени их жителей лишь отчасти.

Объективная ограниченность локальных ресурсов вовсе не обязательно переживается жителями пгт как непосредственный дефицит, поскольку часть их потребностей удовлетворяется вне специализированных учреждений или за пределами самого поселка. Его население не только выбирает между уже существующими возможностями, но в определенной

степени самостоятельно конструирует пространство своей повседневности. Дом, дача, природное окружение, общественные пространства и внешние центры образуют единую сеть доступных ресурсов, конфигурация которой зависит не столько от административных границ пгт, сколько от сложившихся практик ее использования. В этом отношении пространственная мобильность представляет собой не противоположность локальной укорененности, а один из способов ее поддержания. Возможность получать часть необходимых ресурсов вне поселка позволяет людям продолжать жить там, сохраняя доступ к более широкому спектру благ и услуг.

Зафиксированная нами сравнительно высокая удовлетворенность собственным досугом при одновременно фиксируемых инфраструктурных ограничениях не является противоречием. Скорее, она отражает способность жителей приспосабливать доступную среду к сложившемуся образу жизни. Впрочем, такую адаптацию отнюдь не следует безусловно принимать за свидетельство достаточности существующих возможностей. Привычные формы досуга могут вполне соответствовать потребностям одних групп и вместе с тем восприниматься другими как ограничивающие. Особенно показателен в этом отношении молодежный запрос, который обращен уже не только к наличию конкретных мест проведения свободного времени, но и к качеству самой локальной среды, а также к возможности реализовать в ней желаемый стиль жизни. Когда существующая среда перестает соответствовать имеющимся ожиданиям, инфраструктурный дефицит необходимо приобретает социальное значение.

Если исходить из более широкого контекста, полученные нами данные позволяют уточнить само понимание промежуточного положения пгт между городом и селом. Эта промежуточность проявляется не только формально, через административный статус и численность населения, но и воспроизводится на уровне повседневных практик. Имеет место сочетание относительно высокой локальной укорененности с регулярным обращением к ресурсам внешних центров. Поэтому пгт целесообразно рассматривать не как «недостаточно городской» тип поселения, а как самостоятельную социально-пространственную среду со своими способами организации повседневности.

Принятие этого вывода задает соответствующие рамки для оценивания качества поселковой среды. Само по себе увеличение числа учреждений досуга не гарантирует их востребованность, как и отсутствие отдельных объектов не обязательно означает низкое качество повседневной жизни. Более продуктивным в перспективе нам представляется вопрос о соответствии инфраструктуры реальным практикам и меняющимся запросам различных групп жителей, а также о доступности внешних ресурсов, которыми локальная среда фактически дополняется. Дальнейшее сравнительное изучение пгт в других российских регионах позволит установить, какие из выявленных особенностей обусловлены конкретной системой расселения Якутии, а какие характеризуют пгт в общем, как особую форму организации социальной и пространственной жизни.

Библиографический список

1. Амбросова В. И. Гражданская идентичность и миграционные намерения старшеклассников (на примере пгт Эльбан) // Амурский научный вестник. 2018. № 2. С. 4–15. EDN: XSPZVZ.
2. Бабич И. Л. Мир повседневности жителей малых городов, или Искусство жить в провинциальном городе (на примере Гусь-Хрустального) // Общество. Среда. Развитие. 2025. № 2(75). С. 34–46. DOI: 10.53115/19975996_2026_02_135_145; EDN: QBMJEL.
3. Бреславский А. С. Поселки городского типа в процессах постсоветской трансформации городского расселения в Забайкалье и на Дальнем Востоке // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2024. № 4 (70). С. 90–98. DOI: 10.24866/1997-2857/2024-4/90-98; EDN: UBPQZR.
4. Бурдые П. Различение: социальная критика суждения // Западная экономическая социология. Хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В. В. Радаев. М.: РОССПЭН, 2004. С. 537–568.
5. Жирикова А. А. Досуговые практики жителей средних и малых городов России // Вестник РГГУ. Философия. Социология. Искусствоведение. 2014. № 4(126). С. 91–98. EDN: SGMAWB.
6. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Культурная жизнь и культурные практики молодежи малых городов: особенности саморегуляции // Знание. Понимание. Умение. 2020. № 3. С. 140–156. DOI: 10.17805/zpu.2020.3.11; EDN: UTKKIW.
7. Ипполитова Н. А. Пгт Иркутской области: современное состояние и перспективы развития // Вестник ИрГТУ. 2014. № 12 (95). С. 274–283. EDN: TFGCHF.
8. Казакова С. В., Федотова А. В. Теоретические основы организации выставочной деятельности в поселке городского типа // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 78-1. С. 145–151. DOI: 10.18411/trnio-10-2021-40; EDN: CNPNKM.
9. Мельникова Е. В., Казанова Н. В., Штыров А. В. Динамика миграционных настроений студентов как ответ на развитие волгоградской агломерации // Logos et Praxis. 2021. Т. 20. № 3. С. 130–145. DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2021.3.13; EDN: DCLLNS.
10. Петровская О. В. Поселки городского типа в системах расселения регионов России // Вестник ТвГУ. География и геоэкология. 2021. № 3(35). С. 28–41. DOI: 10.26456/2226-7719-2021-3-28-41; EDN: КОТТТW.
11. Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. М.: НЛО, 2014. 456 с.
12. Симагин Ю. А. Поселки городского типа России: трансформация сети и особенности населения. М.: ИСЭПН РАН, 2009. 224 с.

13. Тиникова Е. Е., Прищепа Е. В. Социально-экономические проблемы монопрофильных поселений Хакасии в условиях рыночной экономики // Исторический курьер. 2022. № 4(24). С. 72–79. DOI: 10.31518/2618-9100-2022-4-6; EDN: UZDXGJ.

14. Тиникова Е. Е., Винокурова А. В. и др. Между селом и городом: социальная идентичность локальных сообществ поселков городского типа Республики Бурятия // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19. № 2. С. 120–129. DOI: 10.63973/1998-6785/2025-2/120-129; EDN: NFALCN.

15. Урри Дж. Мобильности / Пер. с англ. А. В. Лазарева; вступ. статья Н. А. Харламова. М.: ИКГ «Праксис», 2012. 576 с.

16. Campbell A. Location, Location, Location: Women's Leisure in Rural Australia // Leisure Studies. 2013. Vol. 32. No. 3. P. 249–263. DOI: 10.1080/02614367.2011.627373.

17. Chen N., Tsai Ct. L. Rural-Urban Divide and the Social Stratification in Leisure Participation in China: Application of Multiple Hierarchy Stratification Perspective // Applied Research Quality Life. 2020. Vol. 15. P. 1535–1548. DOI:10.1007/s11482-019-09750-z.

18. Dumazedier J. Sociologie Empirique du Loisir: Critique et Contre-Critique de la Civilisation du Loisir. Paris: Éditions du Seuil, 1974. 270 p.

19. Elias N., Dunning E. Quest for Excitement: Sport and Leisure in the Civilizing Process. Chester Springs PA: University College Dublin Press, 2008. 336 p.

20. Grigoriev K. V., Elokhina Yu. V. Not a City Yet, not a City Anymore: Internal Suburbanization and the Evolution of Non-Urban Spaces of a Siberian City // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2022. Vol. 15. Is. 2. P. 169–178. DOI: 10.17516/1997-1370-0897; EDN: UGHIIU.

21. Lynnebakke B. The Role of Leisure Practices and Local Identity in Migrants' Inclusion in Two Rural Norwegian Municipalities // Social Inclusion. 2024. Vol. 12. P. 1–18. DOI: 10.17645/si.7805.

22. Mair H. Club Life: Third Place and Shared Leisure in Rural Canada // Leisure Studies. 2009. Vol. 31. No. 5. P. 450–465. DOI: 10.1080/01490400903199740.

23. Place Attachment / Ed. by I. Altman, S. Low. N. Y: Plenum Publishing Corporation, 1992. 314 p.

Получено редакцией: 10.08.26

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Винокурова Анна Викторовна, кандидат социологических наук, доцент, доцент Департамента социальных наук Школы искусств и гуманитарных наук; старший научный сотрудник отдела по международным и межрегиональным связям

Канзычакова Надежда Германовна, научный сотрудник лаборатории этнопсихологии

Яковлев Айтал Игоревич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «Всемирная, отечественная история, этнология, археология» Исторического факультета

DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.5

Everyday leisure in Yakutia's urban-type settlements: Local infrastructure and spatial mobility¹

Anna V. Vinokurova

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia; Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russia

vinokurova77@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6415-4680

Nadezhda G. Kanzychakova

Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russia

kanzychakova.nadia@yandex.ru

ORCID: 000-0002-6928-8351

Aital I. Yakovlev

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

yakovlevital@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-3233-780X

For citation: Vinokurova A. V., Kanzychakova N. G., Yakovlev A. I. Everyday leisure in Yakutia's urban-type settlements: Local infrastructure and spatial mobility. *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17. No. 3. P. 82–97. DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.5; EDN: RGHQBQK.

Abstract. The paper examines how residents of urban-type settlements in the Sakha Republic (Yakutia) organize their leisure. Urban-type settlements occupy an intermediate position between urban and rural settlements and remain an important component of regional settlement systems; however, their residents' everyday practices, including leisure practices, remain understudied. Most leisure research, both in Russia and internationally, focuses on urban or rural populations, while residents of urban-type settlements rarely receive scholarly attention in this field. The study underpinning this article was conducted in 2025–2026 and employed a mixed-methods research design combining quantitative and qualitative methods. The empirical data were collected through focused interviews with residents from a range of sociodemographic groups in two urban-type settlements in Yakutia ($n = 24$) and a structured questionnaire survey of residents of the same settlements ($n = 112$). The findings show that residents' leisure practices are shaped by the interplay between the opportunities afforded by local infrastructure and the settlements' connections to a wider geographic area. Two models of leisure organization were identified: (1) active use of resources in the regional center (Yakutsk), with trips to the city forming an established part of everyday life; and (2) reliance primarily on local infrastructure and informal leisure spaces, with relatively infrequent trips to larger centers. The study shows that trips beyond the settlement often serve multiple purposes and that residents' leisure practices are not confined to the opportunities provided by local infrastructure. These practices reflect a way of life specific to urban-type settlements, grounded in a combination of local rootedness and spatial mobility. This combination enables successful adaptation to life in these settlements and is an important resource for their resilience.

Keywords: leisure practices, everyday life, leisure infrastructure, spatial mobility, way of life, urban-type settlements, Sakha Republic (Yakutia)

References

1. Ambrosova V. I. Civic Identity and Migration Intentions of High School Students: the Case of the Urban-Type Settlement of Elban. *Amurskiy nauchnyy vestnik*, 2018: 2: 4–15 (in Russ.). EDN: XSPZVZ.
2. Babich I. L. World of Everyday Life of Residents of Small Towns, or Art of Living in a Provincial Town (on the Example of Gus-Khrustalny). *Obshchestvo. Sreda. Razvitie*, 2025: 2: 34–46 (in Russ.). DOI: 10.53115/19975996_2026_02_135_145; EDN: QBMJEL.
3. Breslavsky A. S. Urban-Type Settlements in the Post-Soviet Transformation of Urban Settlement System in Transbaikalia and the Russian Far East. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dalnem Vostoke*, 2024: 4(70): 90–98 (in Russ.). DOI: 10.24866/1997-2857/2024-4/90-98; EDN: UBPQZP.
4. Bourdieu P. Distinction: a Social Critique of the Judgement of Taste. In *Western Economic Sociology. Reader of Contemporary Classics*. Comp. and ed. by V. V. Radaev. Moscow, ROSSPEN, 2004: 537–568 (in Russ.).

¹ This research was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 25-28-00500.

5. Zhirikova A. A. Leisure Practices of Residents of Medium-Sized and Small Cities in Russia. *Vestnik RGGU. Filosofiya. Sotsiologiya. Iskuststvovedenie*, 2014: 4(126): 91–98 (in Russ.). EDN: SGMAWB.
6. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Cultural Life and Cultural Practices of Young People in Small Towns: Features of Selfregulation. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2020: 3: 140–156 (in Russ.). DOI: 10.17805/zpu.2020.3.11; EDN: UTKKIW.
7. Ippolitova N. A. Irkutsk Region Urban-Type Settlements: Current State and Development Prospects. *Vestnik IrGTU*, 2014: 12(95): 274–283 (in Russ.). EDN: TFGCHF.
8. Kazakova S. V., Fedotova A. V. Theoretical Foundations of Organizing Exhibition Activities in an Urban-Type Settlement. *Tendencii Razvitiya Nauki i Obrazovaniya*, 2021: 78-1: 145–151 (in Russ.). DOI: 10.18411/trnio-10-2021-40; EDN: CNPNKM.
9. Melnikova E. V., Kazanova N. V., Shtyrov A. V. Dynamics of Student Migration Intentions as a Response to the Development of Volgograd Agglomeration. *Logos et Praxis*, 2021: 20: 3: 130–145 (in Russ.). DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2021.3.13; EDN: DCLLNS.
10. Petrovskaya O. V. Urban-Type Settlements in the Russian Regional Settlement System. *Vestnik TvGU. Geografiya i geokologiya*, 2021: 3(35): 28–41 (in Russ.). DOI: 10.26456/2226-7719-2021-3-28-41; EDN: KOTTTW.
11. Oldenburg R. Tret'e mesto: kafe, kofeyni, knizhnye magaziny, bary, salony krasoty i drugie mesta «tusovok» kak fundament soobshchestva [The Great Good Place: Cafés, Coffee Shops, Bookstores, Bars, Hair Salons, and Other Hangouts at the Heart of a Community]. Moscow, NLO, 2014: 456 (in Russ.).
12. Simagin Yu. A. Poselki городского типа России: transformaciya seti i osobennosti naseleniya [Urban-Type Settlements in Russia: Transformation of the Network and Population Characteristics]. Moscow, ISEPN RAN, 2009: 224 (in Russ.).
13. Tinikova E. E., Prishchepa E. V. Socio-Economic Problems of Single-Industry Settlements of Khakassia in the Context of the Market Economy. *Istoricheskiy kur'er*, 2022: 4 (24): 72–79 (in Russ.). DOI: 10.31518/2618-9100-2022-4-6; EDN: UZDXGJ.
14. Tinikova E. E., Vinokurova A. V. et al. Between Village and City: Social Identity of Local Communities in Urban-Type Settlements in the Republic of Buryatia. *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya*, 2025: 19: 2: 120–129 (in Russ.). DOI: 10.63973/1998-6785/2025-2/120-129; EDN: NFALCN.
15. Urry J. Mobilities. Transl. from Eng. by A. V. Lazarev; intr. article by N. A. Kharlamov. Moscow, IKG «Praksis», 2012: 576 (in Russ.).
16. Campbell A. Location, Location, Location: Women's Leisure in Rural Australia. *Leisure Studies*, 2013: 32: 3: 249–263. DOI: 10.1080/02614367.2011.627373.
17. Chen N., Tsai Ct. L. Rural-Urban Divide and the Social Stratification in Leisure Participation in China: Application of Multiple Hierarchy Stratification Perspective. *Applied Research Quality Life*, 2020: 15: 1535–1548. DOI: 10.1007/s11482-019-09750-z.
18. Dumazedier J. Sociologie Empirique du Loisir: Critique et Contre-Critique de la Civilisation du Loisir. Paris: Éditions du Seuil, 1974: 270 (in Fr.).
19. Elias N., Dunning E. Quest for Excitement: Sport and Leisure in the Civilizing Process. Chester Springs PA: University College Dublin Press, 2008: 336.
20. Grigoriev K. V., Elokhina Yu. V. Not a City Yet, Not a City Anymore: the Internal Suburbanization and the Evolution of Non-Urban Spaces of a Siberian City. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2022: 15: 2: 169–178. DOI: 10.17516/1997-1370-0897; EDN: UGHIIU.
21. Lynnebakke B. The Role of Leisure Practices and Local Identity in Migrants' Inclusion in Two Rural Norwegian Municipalities. *Social Inclusion*, 2024: 12: 1–18. DOI:10.17645/si.7805.
22. Mair H. Club Life: Third Place and Shared Leisure in Rural Canada. *Leisure Studies*, 2009: 31: 5: 450–465. DOI: 10.1080/01490400903199740.
23. Place Attachment. Ed. by I. Altman, S. Low. New York: Plenum Publishing Corporation, 1992: 314.

The article was submitted on: 10 August, 2026

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anna V. Vinokurova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Social Sciences of the School of Arts and Humanities; Senior Researcher at the Department of International and Interregional Relations

Nadezhda G. Kanzychakova, Researcher at the Laboratory of Ethnopsychology

Aital I. Yakovlev, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of World History, Russian History, Ethnology and Archaeology of the Faculty of History